

ИОГАННЕС БАРБАРУС

Б 24

32216

СТИХОТВОРЕНИЯ

1941 ~ 1943

ОГИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ · 1943

Иоганнес Барбарус

СТИХОТВОРЕНИЯ

1941 — 1943

Перевод с эстонского

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

СОДЕРЖАНИЕ

Низоль Андресен, Иоганнес Барбарус 3

На эстонской земле

На эстонской земле. <i>Перевёл Дм. Кедрин</i>	7
Путь домой. <i>Перевела Вера Звягинцева</i>	8
Сон о родине. <i>Перевёл Андрей Глоба</i>	9
Я слышу. <i>Перевела Мария Петровых</i>	10
Послание I. <i>Перевёл Дм. Кедрин</i>	10
Послание II. <i>Перевёл Дм. Кедрин</i>	11
Весна в Эстонии. <i>Перевёл С. Толстой</i>	12
Ты победишь. <i>Перевёл Мих. Зенкевич</i>	14

Звериный лик фашизма

Всадник без головы. <i>Перевёл Павел Антокольский</i>	15
Фашистским палачам. <i>Перевёл Д. Бродский</i>	19
Воздастся вам. <i>Перевёл Мих. Зенкевич</i>	19

Мобилизация муз

Мобилизация муз. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	21
Час настал. <i>Перевела В. Киреева</i>	21
Вооружённый стих I. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	22
Вооружённый стих II. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	23
Клич молодёжи. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	24
Братство поэзии. <i>Перевёл В. Казин</i>	25
Песня борьбы. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	26

Партия куёт победу

Партия. <i>Перевёл Д. Бродский</i>	28
Героям! <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	28
Непобедимая Москва. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	29
Ленинград в дни войны. <i>Перевёл Лев Шифферс</i>	30
Симфония победы. <i>Перевёл Юрий Шумаков</i>	32

Редактор З. Кульманова.

Подписано к печати 29/VII 1943 г.

А500. 1 п. л. 1,68 уч.-авт. л. Тираж 10000. Цена 1 р. 25 к.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. 1020

ИОГАННЕС БАРБАРУС

Уже в течение целого тридцатилетия Иоганнес Барбарус является крупнейшим представителем эстонской поэзии. Вышедшие за это время десять сборников его стихов пользуются широкой известностью среди эстонских читателей; многие его стихи переводились на иностранные языки. В 1940 году Гослитгиздатом был издан сборник избранных стихов Барбаруса в переводах на русский язык¹.

Иоганнес Барбарус (И. Варес) родился 12 января 1890 года в семье эстонского крестьянина. Учился он сначала в гимназии (в г. Пярну), где начал писать стихи и принимал участие в издании нелегального гектографированного журнала «Новая жизнь», затем поступил на медицинский факультет Киевского университета, который и был окончен им. В первой мировой войне Барбарус участвовал, находясь в рядах русской армии в качестве военного врача. После войны он около двадцати лет прожил в г. Пярну, где занимался врачебной практикой; за эти годы много раз путешествовал по странам Европы. Печататься Барбарус начал с 1910 года.

Своею значительностью и силой поэзия Барбаруса обязана не только яркости и своеобразию его художественного дарования; на всех этапах развития она отличалась серьезностью идейного содержания. Хотя в творчестве Барбаруса — в особенности на первых порах — часто сказывалось увлечение чисто формальными поэтическими проблемами, в его поэзии никогда не было голого эстетства; в ней всегда ощущалась связь с жизнью, с действительностью. Замечательно, что одна из любимых тем Барбаруса, к которой он неизменно возвращается на протяжении многих лет, была роль поэта в современном обществе, мера его воздействия на жизнь. Искусство для Барбаруса всегда являлось

¹ Иоганнес Барбарус. Стихотворения. Гослитгиздат, М. 1940.

серьёзной, общественно значимой силой, а не орнаментом, не изящной подробностью быта.

Эстония, родной народ, родной пейзаж занимают большое место в поэзии Барбаруса, но никогда не звучала в ней нотка самодовольного, ограниченного национализма. Поэт с тревогой, а часто и с горькой иронией, с сарказмом говорил о судьбах Эстонии, до её вступления в Советский Союз обречённой на кабальное положение колонии одной из европейских держав. Стремление к широким интернациональным связям, ощущение себя частицей всего человечества, — это тоже излюбленный мотив поэзии Барбаруса.

И в стихах и в публицистических произведениях Барбарус всегда выступал убеждённым и страстным противником всяческой реакции и особенно такой оголтелой формы её, как фашизм. Совместно со знаменитым писателем, классиком эстонской литературы, Эдуардом Вилде и с писателем Иоганнесом Семпером он стал организатором борьбы против проникавшего в Эстонию фашизма.

Волею эстонского народа Барбарус-Варес в июне 1940 года был поставлен во главе народного правительства, при котором в Эстонии была установлена советская власть и совершилось вступление республики в Советский Союз. Тогда же Барбарус-Варес был избран на пост председателя президиума Верховного Совета ЭССР.

В день нападения гитлеровских орд на Советский Союз, 22 июня 1941 года, Барбарус в стихах обратился к своему народу с призывом к мужественной борьбе:

В бой! Сомнения не ведай,
Будь творцом своей победы!

С этого дня, первого дня великой отечественной войны, поэзия Барбаруса служит одной цели — она становится оружием борьбы, оружием победы. Пламенные воззвания к эстонскому народу, к эстонской молодёжи чередуются с эпической хроникой первых дней войны, с картинами родной страны, к которой неотступно обращён взор поэта.

Знаменитая эстонская поэтесса Лидия Койдула часто повторяла в своих стихах, что где бы она ни находилась, повсюду сама природа доносит до неё голоса родины. Так и в стихах Барбаруса: даже цветы эстонских лугов и лесов напоминают ему о замученных

жертвах фашистских убийц, напоминают о тайной работе неуловимых народных мстителей. Сама природа в его стихах восстаёт против захватчиков-чужеземцев.

Для Барбаруса судьба эстонского народа навсегда связана с судьбой всех народов Советского Союза.

Я слышу каждый вздох, исторгнутый Союзом,
Мой учащённый пульс — его атаки гром.
Все тяготы бойцов несусь я кровным грузом, —
Бойцов, чей клич один: — На запад, напролом!

Он пишет стихотворения «Героический Ленинград», «Непобедимая Москва». Это стихи не о чужих городах, это восхищение не перед чужим подвигом: в них Барбарус говорит о своём большом советском отечестве.

В стихах Барбаруса постоянной ясной нотой звучит вера в победу советского народа над гитлеровской Германией; он видит в перспективе очертания того дня, когда и норвежец, и голландец, и француз, — когда все народы Европы сольют свои голоса в гимне победы.

В поэме «Всадник без головы» Барбарус даёт обобщённый образ фашистского головореза.

...Кубанец пашкой снёс ему башку,
Нет белокурой морды у арийца.
Разорван ворот. Вырван парабеллум,
Но безголовый немец вдаль стремится.
Летит убийца по сугробам белым,
Несётся призрак степью неоглядной,
И если немцу думать больше нечем,
Он, значит, абсолютно онемечен.
За немца фюрер думает достаточно!

По существу образ фашистской Германии дан в этом всаднике: ни человеческих мыслей, ни чувств не осталось у него, он мчится навстречу гибели, его мчит одна инерция разбоя и грабежа.

Последняя поэма Барбаруса «Юрьева ночь» посвящена давнему, но незабываемому историческому событию; 600 лет тому назад, в ночь на 23 апреля 1343 года, вспыхнуло продолжавшееся затем около двух лет восстание эстонского народа против немецких захватчиков, не раз вторгавшихся в страну с XIII века. Краткое сообщение летописи о том, что с поля

битвы, где лежали убитые повстанцы, поднялся смертельно раненный эстонец, чтобы нанести удар ненавистному немцу-поработителю, послужило основой поэмы.

За последние годы в творчестве Барбаруса намечается поворот к классической простоте и ясности формы, знаменующий собой, в сущности, тяготение поэта к народности. Но никогда его стихи не были так близки народу, как сейчас, в дни войны, когда сам поэт с особенной силой ощущает свою связь со страной, с народом, когда он слит в едином дыхании с ним. Стихи Барбаруса восторженно встречаются в эстонских частях Красной Армии, где они состоят на вооружении бойцов, и в оккупированной Эстонии, где их тайно передают из рук в руки. Композиторы Эуген Капп и Хуго Лейпури переложили многие из них на музыку, и они становятся народными песнями.

В великой освободительной войне против немецкого фашизма плечом к плечу со всеми народами Советского Союза под гениальным водительством товарища Сталина эстонский народ продолжает борьбу со своим многовековым врагом. Новая, боевая поэзия родилась за эту войну; стихам Иоганнеса Барбаруса принадлежит в ней выдающееся место.

Ниголь Андресен.

НА ЭСТОНСКОЙ ЗЕМЛЕ

НА ЭСТОНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Много дней в родных просторах
Неумолчный бой гремит!..
Пусть наш бранный труд историк,
Оценив, благословит.

В узах рабства наши деды
Начинали этот труд.
Внуки их своей победы
Никому не отдадут.

Пал сраженья дым багровый
На эстонские холмы,
Но ценою нашей крови
Своего добъёмся мы.

Год — родной земли просторы,
Точно молот, бьёт война!..
Но хотя победы скорой
Велика ещё цена,—

Оживёт страна родная,
Что гнетёт проклятый враг!
Сломит ярость вековая
Свастики паучий знак.

Длится бой!.. Наш меткий выстрел
Вторит выстрелу врага!
И пока пята фашистов
Топчет наши берега —

Мы клянёмся в битве правой
Торспить победы час!..
После дней войны кровавой
Праздник мира встретит нас.

ПУТЬ ДОМОЙ

Дорогу к дому ищешь
И наяву, и в снах.
Стал край мой пепелищем,
Темно в родных полях.

Насилье и неволя
На хуторе родном.
День полон слёз и боли,
Страх в сумраке ночном.

От вражеских налётов
Всё голо, как пустырь,—
Большим рубанком кто-то
Разгладил эту ширь.

Где звери побывали,
Где их пирушка шла,
Там ветры закачали
Повешенных тела.

Нет песен над лугами,
Бесплодны вокруг поля.
И стонет даже камень
Твоих глубин, земля!

Смолк соловей уныло,
И зяблик не поёт,
Сова лишь над могилой
Чего-то грустно ждёт.

В селеньях стон. И ветер
Доносит скорбный зов.
Отец убит, а дети
И мать — добыча псов.

Когда ж на миг остынет
Преступник, утомясь,
И в беспорядке кинет
Затоптанное в грязь,—

Лежит он сытый, пьяный...
Но в вылазке ночной
Отплатят партизаны
Ему за край родной.

Здесь смерть за немцем бродит,
Здесь тайная война,
И ненависть в народе
Всесильна и грозна.

Как молния, разведка,
И партизан отряд
Разит фашистов метко, —
Враг не уйдёт назад.

Всё взвесим, всё измерим,
И будет правым суд:
Насильники и звери
От мести не уйдут.

От зоркого обхода
И ночь врагу не щит, —
Во тьме рука народа
Расправу довершит.

С О Н О Р О Д И Н Е

Мне снишься ты в садах, кудрявой,
Разлившейся в цветущем море, —
А наяву: тевтон кровавый
В твоих усадьбах сеет горе.

Мне снятся: клейкий лист берёзы
И на лужайках незабудки, —
А наяву: кровь, пепел, слёзы,
Ипрает смерть на свежей дудке.

Мне снится: ожил лес понурый,
Дымится золотой пыльцой, —
А наяву: жнёт голод жница,
Нужда стучится в дверь клюкой.

Мне снится: ожил лес понурый,
И море вздыбилось волнами, —
Но наяву взметнулся бурей,
Гремит народный гнев громами.

Да, сны мои все явью станут,
И ты воспрянешь под грозой,
И вновь очам моим предстанут
Сады, цветущие весною!

Я С Л Ы Ш У...

Я слышу, как стонущим соснам
Неймётся в родимом краю,
И в ветре, то нежном, то грозном,
Я их голоса узнаю.

Взволнованно, неутолённо,
Всё горестней, всё горячей
Там ропщут широкие клёны,
И в ропоте — шелест мечей.

И слышится мне, как берёзы
Суровый ведут разговор, —
Сжигает невольные слёзы
Проклятый неистовый хор.

Слова разливаются гулом,
Шумя об одном, об одном:
Здесь враг, и коснуться дерзнул он
Добытого нашим трудом!

И крепнет в смертельной обиде
Раскат непогодующих сил:
— От немцев отчизну спасите!
Отмщения час наступил!

Я слышу и вопли и крики,
И сердцу неймётся в груди...
Сверши же свой подвиг великий,
Отчизна моя, победи!

ПОСЛАНИЕ

I

Когда шумят ветра от Пейпуса до моря
И солнце золотит побережья Эмаэги¹,
И в зелени весны земля пробуждена, —
Ты слышишь, милый друг, как эхо стонет, вторя
Прибою, что в борта эсминцев хлещет в беге,

¹ Эмаэги — река в Эстонии.

И молнии сулят в часы ночного сна,
Что ты, освободясь от вражеского ига,
Стряхнёшь фашизма гнёт, как половодье смыло
И в море унесло с земли остатки льда.
Что после дней тоски — вновь радостного мига
Дождешься ты, земляк, и, набирая силу,
Вновь голова твоя поднимется, горда!
И ринешься ты в бой, как древний витязь Калев¹,
И чёрных колдунов со свастикой колючей
Сразишь, освободив Эстонию от бед.
А если всех врагов твоя рука не свалит
И в схватке на тебя накинется их туча, —
Как братец-ёжик, я подам тебе совет.
— Бей, богатырь, ребром!²—я закричу народу.—
Бой этот — сил твоих и воли испытанье,
Так покажи — на что годна рука бойца!
Иди и до конца сражайся за свободу,
Чтоб завтра, позабыв минувшее страданье,
Вновь родина цвела, согнав печаль с лица.

ПОСЛАНИЕ

II

Народ мой! Слушай близящийся гром!
За Пейпусом гроза загрохотала.
Уже в зигзаге молний голубом
Свобода блещет. Солнце видно стало.
И свежесть веет над родным селом!

Пришла весна. Настал зелёный май.
И смыла кровь ожившая природа...
Всё, что хирело, — нынче прорастай!
Что жалось в тесноте — тому свобода
Дана весной. Бьёт радость через край!

От Пейпуса и до балтийских вод
Победы клич несётся. Мост, что Калев
Прокладывал³, достроил мой народ,

¹ Калев — герой народного эстонского эпоса.

² Намёк на эпизод из эпического сказания «Калевипоэг»: ёж помогает сыну Калева советом (Калевипоэг бил врагов доской плашмя).

³ Герой «Калевипоэга» начал строить мост через озеро Пейпус (Чудское), чтобы связать эстонский народ с русским.

Снёс пограничный дуб — и в моря дали
Его бойцы отправились в поход!

В зигзаге молний блещет наша месть!
Весна пришла для нас! Ударь сильнее,
Гроза! Домчи до титлеровцев весть,
Что их ярмо народ мой сбросит с шеи,
Что встали мы за жизнь свою и честь!

От Пейпуса до моря разнести
Мне хочется весть радостную ныне, —
Что вновь эстонец будет жить в чести,
Что сможет он, любуясь небом синим,
Желанную отраду обрести.

О муху, Хийу, Сааремаа¹ — в туман
Одетые балтийских вод игрою!
К вам эта весть домчится сквозь туман
И скажет всем, кто гнётся под бедою,
Что день весны победой осиян!

ВЕСНА В ЭСТОНИИ

Сегодня ясно так издалека видна мне
Моя Эстония, — тебе ль покорно ждать?
Весной, когда снега текут ручьями с камня
И древняя земля рождает жизнь опять,
Одна лишь мысль у всех: пахать ли в этот год?
Не враг ли урожай наш алчно заберёт?

Для всех встаёт один томительный вопрос:
Что будет с озимью? А этой пашни складки,—
Посева ждут они и ждут весенних гроз,
Но, может, в панике бросаюсь без оглядки,
Всё растеряв в пути, дороги все забыв,
Враги затопчут всходы наших нив?

Как смотрят незабудки и купавы?
Подснежник бледный говорит о чём?
Их венчики полны росой кровавой,

¹ Муху, Хийу, Сааремаа — острова, входящие в состав территории Эстонской ССР.

Каймою траурной одел их чернозём.
Печальным крепом сквозь траву сквоза,
С насильем примириться им нельзя!

Смотри: в траве гвоздика замелькала,
Смолянки клейкой рядом взвился флаг.
Он тот же всё — победный, ярко-алый,
В нём кровь борцов сегодня ожила
И снова говорит со всех лугов и пашен,
Что смелым смерти нет и злобный враг не страшен.

Вон дальше, в тень укрыты, сквозь кусты,
На мушку немца взяв по-партизаньи,
Глядят, пригнувшись, таволги цветы.
Чу! Протрубили сигнал пастух, что наказанье
Всё близится, течёт гневливая река,
Настигнет и снесёт её волна врага.

Здесь ландыши как будто восковые,
Прозрачных чашечек и чист и светел вид.
Но для души моей они не те, иные,
И тленья дух их аромат хранит.
Я молча сторонюсь, сомнением тревожим,
Их шелест кажется волненьем смертной дрожи.

Поля одел, как покрывалом шитым,
Убор весенних трав, и чудится опять,—
Не трупы ли замученных, убитых
Вновь, оживая, начали дышать,
Когда, развеяв чад и дым жестоких дней,
Вдруг ветер зашумит всей зеленью ветвей.

Бессмертник нежный вырос у дороги.
Как взгляд ребёнка, бархатно-спокоен,
Но сердце бьётся, полное тревоги.
Кто объяснит мне, почему такое:
Его касанье скрытой муки полно,
Он кажется мне жертвою безмолвной.

В глазах моих жнивье далёкое лежит,
Там жаворонки, точно на пружине,
Взметнулись в небо с гнёзд и песней их звенит
От низа до верха простор бескрайне-синий.
Кукушки крик летит издалека
Сигналом близкой гибели врага.

ТЫ ПОБЕДИШЬ

Осталась ты, как, средь ночных видений,
Корабль, пылающий в открытом море,
Как раненый боец в огне сражений.
Он чувствует — в его померкшем взоре
Сгущаются холодной смерти тени.

Как мученица на костре, ты в пламя
Оделась, и в томительной тревоге
Народ освобожденья ждёт упрямо,
И, отмечая кровью все пороги,
Витает смерть над мрачными домами.

Осталась ты, но лишь глаза закрою
И вспомню о тебе, я вижу снова
Поля родные, вижу над собою
Простор родного неба голубого
С пятиконечной алою звездою.

Тебя я вижу гордой, непреклонной,
Кулак и зубы в гневе крепко сжаты,
Враг не услышит вопля или стоны,
Последнее тряпье забрал, проклятый,
Но ты с ним борешься ожесточённо.

Ты победишь, и твой венок терновый
Заменят лавры славные победы.
С врагами счёты ты сведёшь сурово.
Не отпрутся! За насилья, беды
Преступникам возмездие готово.

Так ты встаёшь передо мной в тумане
Страдающей, но всё ж непобедимой,
Пусть избавленья час скорей настанет, —
Пусть ярче вспыхнет гнев неугасимый,
Пускай мой стих в строю с бойцами встанет!

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

Вы вспомните Майн-Рида, может статься,
Иль Кулера, прочитанного с детства,
Когда дружили с «Кожаным чулком»...
Но этим сказкам надлежит остаться
В другой стране, в столетии другом.
Им некуда в двадцатом веке деться, —
Но безголовый всадник тут и там
Проносится, как призрак, по фронтам, —
Иной, не романтический, не старый.
Он родился в Берлине, или в Бремене,
Иль в Мюнхене. Есть паспорт у него,
Есть имя, год рожденья, пломба племени, —
Коричневый солдат, грабитель ярый, —
Он — тень. Его дыхание — мертво.
Вот он летит. Вчера на всём окаку
Кубанец шашкой снёс ему башку.
Нет белокурой морды у арийца,
Разорван ворот. Вырван парабеллум.
Но безголовый немец вдаль стремится,
Летит убийца по сугробам белым.

Несётся призрак степью неоглядной.
И если немцу думать больше нечем,
Он, значит, абсолютно онемечен:
За немца фюрер думает достаточно!
Не будет он оплакан ненаглядной,
Вдова пройдёт без траурного крепа,
Отец иль сын оскалятся свирепо,
Смолчит и мать в чувствительности паточной.
А безголовый немец даже счастлив,
Что мысли в нём последние погасли.
Теперь он стал безмозглым автоматом.
Смерть для него — «налево кругом ать-два!»
Нет новизны в небытии косматом.
Нет перемены явной и существенной.
Готов он клясться — мрачной будет клятва, —
Что и при жизни досыта не ел,

Что и по смерти для него естественно
Любой ценой, с поспешностью любую
Лететь навстречу крови и разбою,
И мнится призрак, белый, будто мел.
Кружит, петляет мёртвый немец по степи.
Гудит земля от мёртвой конской поступи...
Иоганнес-Вольфганг Штольц. Бывало, громко
Звучало это имя в дамском обществе.
Иоганнес-Вольфганг... Чем не Гёте, право?
Но Штольц-гордец¹ же в качестве потомка
Пивною пеной надувался браво
И брил вихор с арийской головы
На память о болезни неприличной.
Бывало, он в фашистском баре топчется; —
Ещё он новичок среди братвы,
Но вырастет из Штольца вышибала,
Недаром по скулам он бьёт отлично.
Не ангелы ходили в тот шинок,
Котировалась там не добродетель.
На чёрной бирже, в давке человеческой
Сходили с рук убийства и увечья.
Там шли вперёд, срывая совесть с петель,
Дрались за жизнь, сбивая встречных с ног,
И вырастали, продавая ближних.
Кастет, иль яд, или простой булыжник —
Всё пригодится... не робей, сынок!

Иоганнес-Вольфганг Штольц был по заслугам
Причислен к лику избранной верхушки.
Захаживал он запросто в гестапо,
Принюхивался — ушки на макушке —
К измещающимся, едва заметным слухам.
И в день начала нынешней войны,
Дойдя до поворотного этапа,
Не слишком бодр ещё, не слишком весел,
Вдали от фронта, он солидно весил,
Обласканный родимою средой,
Не чувствовал он в этом новизны.
Но аппетит пришёл к нему с едой.
Тут был он призван. И почуял парень
Немалую добычу. Так иль эдак
Уже гарцует Штольц натренированный,
На «мокрые» дела уже назначен
Он в лучшую из мыслимых разведок.

¹ Игра слов: «штольц» — по-немецки «гордый».

И Гитлером и фронтом очарованный,
И Гитлеру и фронту благодарен.
Умеет строить виселицы прочно.
Умеет петлю затянуть потуже,
Умеет пыткой многого добиться.
Пускай над ним качается повешенный.
Пускай убитый, раскорячен в стуже,
Валяется... В его душе порочной
Скотство и рабство аккуратно взвешены.
Таков Иоганнес-Вольфганг Штольц — убийца.

И было Штольцу вручено однажды
Письмо Брунгильды Штольц, его супруги,
В котором из-за нежных дамских строк
Высовывалась наглая волчица.
Письмо гласило, что арийке каждой,
Вращающейся не в плебейском круге,
Нужны бельё и украшения впрок,
Шелка, меха и всё, что ни случится:
Консервы, яйца, лишний бутерброд —
Всего желал брунгильдин нежный рот.
Письмо гласило: о, вернись скорей!
И убедись, как отоцала телом
Брунгильда, но и в теле оскуделом
Её любовь бодрее и добрее.

Иоганнес-Вольфганг Штольц почуял сразу
Взыгравшую в нём рыцарскую страсть,
Но тут прочёл приписанную фразу —
Ещё одну он должен вещь украсть.
Желанье было вычитано в сказке:
«Любимый муж, твой подвиг впереди,
Поскольку покоришь ты край кавказский.
Заветное кольцо мне укради
С печаткой из оникса, с талисманом.
В нём счастье, деньги, слава и почёт.
Достань кольцо... Пройдёшь по дальним странам
Куда арийский дух тебя влечёт,
Перенесёшь все беды и тяготы,
Узнаешь всю вселенную в лицо,
Пройдёшь насквозь широты и долготы.
Пройдёшь экватор... Укради кольцо!»

Иоганнес-Вольфганг Штольц не дочитал
И рыцарственным замыслом проникся

Найти кольцо с печаткой из опикса,
Уже воображал он и мечтал,
Что где-то, в горном маленьком ауле,
Есть девушка неслыханной красоты.
Уже в мечтах ползёт он, карауля
Мгновенья, а быть может, и часы,
Уже в мечтах коснулся он косы
И за косу схватил свою добычу...
И, распалив свою свирепость бычьёю,
Справляется он, где и как найти
Ту девушку, с душой едва расцветшей,
Чтобы она в силках затрепетала,
Как пойманная птичка... Вздуроражен
В его крови инстинкт нечеловечий.
Горит в глазах болотный огонёк.
Найти её во что бы то ни стало!
Вскочил он на коня, свиреп, отважен...
Он в нетерпении с головы до ног, —
Любитель приключений и красавиц,
Фашист Иоганнес-Вольфганг Штольц, мерзавец.
Вскочил он на коня, умчался втайне,
Выслеживает по тропинкам горным,
Вдруг вздрагивает, будто видит чорта,
Едва в кустах услышит трепетанье.
Над ним молчанье звёздное простёрто,
Под ним чернеют зубья скал и пропасти,
И вдруг — как вихрь, откуда ни возьмись,
Четыре шашки взвизгнули, взвилась, —
И Штольц остановился, в странной робости.
То партизаны. Прежде чем он вскрикнул,
Сообразив, как быть, — на всём скаку
Опряд с ним поровнялся, кто-то гикнул
И кто-то шашкой снёс ему башку.

Всё кончилось в одно мгновенье. Там,
Где мстители таятся меж расселин,
За ним, за ним, за мёртвым по пятам
Несётся мщенье с гиком и весельем.
И меж расселин горных вихорь свищет,
И гонит немца нестерпимый страх.
Он голову свою, наверно, ищет,
Свалившуюся, втопанную в прах,
Он ищет и кольцо с опиксом белым.
Не может он не мчаться, не кружиться!
Разорван ворот, вырван парабеллум.
Желанье в мёртвом продолжает жить.

ФАШИСТСКИМ ПАЛАЧАМ

Пришли вы — и от боли застонала
Эстония, страна моя родная.
Убийств и грабежей вам было мало.
И день и ночь грома и убивая,

Вы упивались кровью в нашем крае
И — не пресытились... «Порядок новый»
Средь пепла и развалин создавая,
У нас вы отнимаете и слово!

Вам примелькался вид пролитой крови,
Бессмертный дух смутил вас, — и едва ли
Не в каждом томе, чуть не в каждом слове
Вам слышится бряцанье скрытой стали!

Охваченные ненавистью чёрной,
Дрожа от злобы, вы теперь готовы
Любую мысль на виселицу вздёрнуть,
Петлю накинуть на любое слово.

В наш край вломилась буйною оравой
С мечом и проповедью вы когда-то, —
Теперь на ваших крыльях знак кровавый:
Паук зловещий свастики проклятой.

Пришли вы снова, — и развалин грудой
Стал край родной, — но духом твёрд эстонец.
Оружья не положит он, покуда
Фашист последний в море не потонет.

Нет, палачи! Стоит страна родная
Скалою — в испытании суровом,
Народ глядит вперёд, не унывая, —
Земля разгневанно плюёт в лицо вам!

ВОЗДАСТСЯ ВАМ!

Кичитесь вы, от крови жертв пьянея,
И свастика у вас на рукавах,
Насильники, убийцы и злодеи,
Вы тешитесь, пируете сейчас,
Но персполнится долготерпенья чаша,
И вы ответите за преступления ваши!

Воздастся вам! Не в театральной ложе,
Не с кресел бархатных, а со скамьи,
Перед судом, где ложь вам не поможет,
Ответите за все дела свои,
Всё человечество, избавясь от напасти,
Осудит палачей с клеймом зловещих свастик.

И капля каждая пролитой крови
Зачтётся вам, и каждая слеза,
И вас прервёт тогда на полуслове
Вопль гневный миллионов, как гроза,
И бесконечную процессией пред вами,

Восставши, мертвецы пройдут за мертвецами, —
И каждый уличит вас как свидетель.
Ответите за зверства все свои!
Для вас насилье — это добродетель,
И лучшее купание — в крови.
Так знайте! Ваша кровь пойдёт расплатой
За кровь, залившую наш край богатый,

И против вас свидетельствовать будут
Сожжённые селенья, города,
И женские отрезанные груди,
Возопиют и камни все тогда.
Не передать в стихах, презренные убийцы,
На что способны вы, «чистейшие» арийцы!

Воздастся вам! Не скрыться чёрным сворам!
И вас придавит преступлений гнёт,
Возмездие суровым приговором
На ваши головы тогда падёт,
И этот приговор запишут все народы
На языках своих, как заповедь свободы!

МОБИЛИЗАЦИЯ МУЗ

МОБИЛИЗАЦИЯ МУЗ

Не услышишь в доме смеха,
Если в тьме убийца бродит,
Нет улады в звонком эхо:
Музы хора не заводят
В голубой тиши июля.
Брошена рукой усталой
Сеть лирического тюля.

Адом Данта жизнь предстала,
Не растут в саду элегий
Незабудки и гвоздики:
В мир на огненной телеге
Гром войны ворвался дикий.
Пусть репейник и шиповник
В бой идут густой ватагой,
Поднимай, поэт-садовник,
Гнев и ненависть в атаку!
Закали в огне десницу,
Перекуй перо в оружие,
Посади на колесницу
Музу с воином в содружье.
Смаковать привыкший слово,
Не напрасно ль тратишь время
В поисках бывшего рая?
Час придёт — на грядках снова
Резеда рассыплет семя,
Песня зазвонит играя.

Не услышишь в доме смеха,
Если в тьме убийца бродит.
Песнь войны разносит эхо:
Музы ныне в бой выходят.

ЧАС НАСТАЛ

Час настал, готовься к бою!
Сердце, с гневом слей презренья!

Снова грозной чередою
Встали прошлого виденья.
Зазвучал из мрака снова
Древний голос, — рабства стоны;
Вновь грозят родному крову,
Как в былом, бедой суровой
Орды хищные тевтона.

Снова в дерзостной надежде
Враг у нашего порога,
Снова хочет он, как прежде,
Истоптать густые нивы
И кровавою дорогой
Пересечь наш край счастливый.

Свастика и облик бычий,
Нож иль сабля наготове...
Наше счастье, наш обычай
Не залить им тёплой кровью.

Огрубелыми руками
Это счастье мы жовали
Годы долгие, упорно.
В жаркой копоты, у горна,
Мы свободу познавали,
И громадой необорной
Нам её сияет пламя.
Час настал — и жребий брошен,
Путь свободы непреложен.
В бой! Сомнения не ведай!
Будь творцом своей победы.

Не звучать весёлым кликам
В озверелом вражьем стане.
Все — от мала до велика —
Грудью за отчизну станем!

22 июня 1941

В О О Р У Ж Е Н Н Ы Й С Т И Х

Inter arma non silent musae 1.

I

Удержаться ли поэту
В стороне от грозной битвы?

1 Во время войны музы не молчат (латинск.).

Обуздать ли бурю эту
И воинственные ритмы,
Что влекут меня к лафету?

Запахнёшь ли на ночь дверцы
В тихой дрёме безучастья,
Если клич единове́рца,
Крик о помощи в несчастьи,
Требу́ет всей крови сердца?..

Гневом война украшен,
Не спускай обиды немцам,
Докажи, что ты бесстрашен!
Ми́щенье лю́тым чужеземцам,
Оторвавшим нас от пашен!

Так шагай с бойцами в ногу,
Пуля рифмы — наготове.
Порох — пуле на подмогу —
Заколочен в каждом слове.
В битву, музы! Бей тревогу!

Торопи шолёт орлиный!
Мир очищенным и юным
Встанет из окопной глины,
Жизнь, поруганную гунном,
Кровью претвори в бычины.

ВООРУЖЁННЫЙ СТИХ

II

Умерь, поэт, поток *словесный!
Остановись, многоречивый!
В стихе своём будь сдержан, экономен!
Играя звуками, иной болтун ретивый
В угоду рифме, звонкой и прелестной,
Калечит мысль, ужасно как нескромен.
Да что с того? Пускай в цветистой фразе
Словесный фейерверк блеснёт хоть на мгновенье,
А материал в нём — щепки да солома.
Болтун горит, шипит в экстазе,
Самовлюблённый до забвенья.
Увы, и в наши дни — как это всё знакомо!

Бывает, в лампе волосок вольфрама
Блеснёт на миг слепящим, острым светом
И гаснет вдруг, перегорая,—
Так и в стихе, искусственно нагретом,
Слова рассыплются истлевшей грудой хлама. —
Ни мысли, ни огня, одна труха гнилая.

Слова одни — не всё! Что мне в их дешёвизне?
Наполни до краёв тугую форму строчки
Горячим сплавом трепетного чувства —
И зазвучит в стихе волшебный голос жизни.
Над словарём, поэт, взыскательно работай,
Не увлекайся грубой позолотой,
Откинь всё лишнее. Тогда из оболочки
Возникнет истина. И в этом есть искусство.

Когда тебя томит бесплодный зуд словесный,
Носи его в себе, угрюмый, раздражённый.
В стихе пусть гнев кипит и мужество клокочет.
Насыщен мыслью, зримой, полновесной,
Стих должен стать оружием разящим,
Пусть пушка в нём гремит и танк в строке
грохочет,
Чтоб содрогнулся враг и замер, уstraшённый,
Перед искусством гордым, настоящим.

КЛИЧ МОЛОДЁЖИ

Вперёд — и смерть врагу! Да здравствует отчина!
По всей стране призыву прогреметь.
Свисти, святой свинец, вонзайся в грудь фашизма!
В бой, молодёжь! Победа — или смерть!

Грознее пороха огонь священной мести.
Пылает в сердце гнев богатыря,
Руби и жги врага, пока над хмурой Эсти
Не загорится ясная заря.

Мы терпеливые; таясь, ползём в разведку;
А встретим смерть — в глаза глядим в упор.
Нас призывает в бой секира наших предков,
И гусляры ведут свой древний хор.

Пусть смерть косит врага — богатой будет жатва.
Сигнал войны мы бьём в железный щит.
Для немцев гибелью святая наша клятва
От Пейпуса до Балтики звучит.

Вперёд, всегда вперёд! Назад ни шагу! Отдых
Придёт для нас, когда в крови врагов
Омоется земля — и сердце эстов тордых
Насытится победой до краёв.

Нас к родине любовь навеки привязала,
На отчий дом глядим издалека.
Но скоро час придёт, и руку партизана
Пожмёт родная, верная фука.

И как бы люто враг ни грабил наши земли,
Ни осквернял священный дедов прах —
Не за горами день, когда сойдутся семьи
И снова нежность будет жить в сердцах.

Грядущее — за нас. Мы вдали глядим без страха,
И солнечные дни уже видны.
И человечество, трудолюбивый пахарь,
Познает жизнь до самой глубины.

К вершинам разума, культуры и науки
Мы устремим орлиный наш полёт.
Пусть жизнь рождается в крови и в смертной муке,
Себя в ней каждый снова обретёт.

БРАТСТВО ПОЭЗИИ

Я к вам пришёл как равный. В час прихода
Я вам принёс сквозь потрясённый мрак
Весь короб скорби своего народа,
Пылает сердце, как кровавый мак

И если тяжело дышать цветку на поле,
На осквернённых пажитях родных,
То как же не сжиматься в пекле боли
Поэта сердцу — чуткому, как стих!

Иду путём стиха, палим высокой жаждой,
Чтоб нёс нас общих помыслов полёт.
Пусть мал, велик — народ обязан каждый
Своей свободы отстоять оплот.

Мы, как штыком, стихом пронзаем нашим
Захватчика, зажёгшего войну.
Как победители, мы до конца допашем
Невиданного счастья целину.

Двух лагерей не знает чувств природа,—
И потому печалью мне близки
Просёлки, сёла каждого народа,
Где смяты вражьей злобой васильки.

Я слышу каждый вдох, исторгнутый Союзом.
Мой учащённый пульс — его атаки гром.
Все тяготы бойцов несу я кровным грузом, —
Бойцов, чей клич один: — На запад, напролом!

И потому, да процветает братство
Поэзии, как братство наций! С ним
Фашистских полчищ варварство, пиратство
Мы навсегда, навеки разгромим.

ПЕСНЯ БОРЬБЫ

1

К оружию! Ты сам кузнец своей свободы,
Без мужества в бою победы не добиться,
Свобода родины дороже всех сокровищ.
Я вижу спаянные дружбою народы,
Чей толос требует пресечь разгул убийства
И грабежа.

Без пушек не построишь
Свободного сотрудничества наций.
Союз оружия? Так твёрдо стой на слове:
За человечество, за будущее драться —
На всех фронтах и не жалея крови.

* *

Сыны материка, и вы, островитяне,
Калите добела победное оружие,
Чтоб смерть нашла врага на грозном поле брани,
Чтоб трупы чёрные усеяли окружье
И обросли крестами все дороги,
Где раньше цвёл их знак четверорогий.

2

Я вижу фабрики, они, как в лихорадке,
И день и ночь стучат железными зубами.
Грызут, жуют металл, чтобы рождались пушки,

Чтоб форму дать тому, что здесь ещё в зачатке,
В ковше, в огне...

Шипят и брызжут стружки,
И чёрный дым из труб вздымается столбами.

Здесь, фронт, здесь бой кипит, здесь битва трудовая.
Где руки-рычаги вздымают грузный молот,
Гремят оружием резцов, зубил и долот —
И смерть куют, победу создавая.

* *

Кругом — леса, луга; поля в щетине жнива;
Здесь каждый ствол и куст мобилизован.
И даже ирисы как будто ждут призыва,
Чтобы сказать «прости» траве, ручью в овраге,
Забить о сладости спокойствия лесного —
И в битву ринуться с решимостью отваги.

3

Все стены города и каждый двор деревни
Стоят готовыми к защите крепостями,
Здесь каждый гражданин становится героем;
В огне сражения не дрогнет воин гневный,
Он знает, как врага встречать смертельным боем,
Чтоб в землю лёг фашизм гниющими костями.

В рубеж превращены бугры, овраги, склоны,
И в поле борозда становится окопом,
А грядка каждая — форпостом обороны,
Как только враг подступит чёрным скопом.

* *

Звучите же, стихи и песни боевые.
Пусть каждая строка оражает пулей гнева
Немецких псов.

Восторг, поэт, изведай!
Забуты кризисы поэзии былые.
Народ шагает в бой со славой, за победой,
Он жадно ловит звук походного запева.

ПАРТИЯ КУЁТ ПОБЕДУ

ПАРТИЯ

В нас трезвую ясность, спокойный расчёт
Тот встретил, тревоги исполненный, час,
Как враг в свой разбойный пустился поход,—
Борьба до победы—вот вся программа для нас!

О нет!

Никакая враждебная сила
Не сломит наш дух! Он твёрд и упрям.
Нас партия мужеством вооружила
И ненавистью к врагам.
Не жалуемся, не плачем, когда
Огнём и железом пытается беда!

Свирепый наш враг убедиться сумел,
Что мы не сдадим на посту боевом,
Что каждый находчив, и истоек, и смел
Под ожесточённым огнём!

Мы знаем—преступно, забыв про врага,
Замкнуться в тепле своего очага!

Одно есть решение, один есть исход,
И знает об этом народ!

Советскую родину мы отстоим, —
Нас к подвигам Сталин зовёт боевым,
Нам единомуше победу несёт!

Зловещие тучи чернеют над нами,
Но партии нашей немеркнущий свет
Ведёт нас вперёд, как победное знамя. —
Враг подлый не восторжествует! О нет!

ГЕРОЯМ!

В груди моей растёт большая гордость,
Герои битв, богатыри труда!
Где вы, там всё — терпение и твёрдость,—
Упорством вашим плавится руда,
И ваша сила—в кованом металле
Встаёт стеной, обороняя Таллин.

То ваше мужество возшло на поле бранном,
Взгляни: перед тобой железный Ленинград
Клокочет огнедышащим вулканом —
И немцу не сломить брони его преград,
Не совладать с прибрежными скалами,
С гранитом островов, откуда плещет пламя.

Громите полчища берлинского кликуши,
Кровавых выродков, ландскнехтов грабежа —
На водах, в небесах, на нашей древней суше, —
Как только их нога коснётся рубежа.
И дряхлый ветеран и полный жизни отрок
Идут в ряды бойцов за свой родимый округ.

К героическим подвигам зовёт народы Сталин —
Шумит в ответ рокочущий прибор,
До стен Москвы доносит отклик Таллин:
«Сыны Эстонии идут на смертный бой
В одном строю с народом русским вровень,
Чтоб утопить фашизм в потоках чёрной крови.

Настали дни великой бранной чести,
И гордостью сердца напоены:
Пусть на полях любимой нашей Эсти
Гремят орудия безжалостной войны,
Но ненавистный враг найдёт себе могилу
В земле, которая питает нашу силу».

Июль 1941

НЕПОБЕДИМАЯ МОСКВА

Мясистой гроздью винограда
В блестящих капельках росы
Москва предстала как награда
Глазам коричневой лисы.
Но зуб неймёт, хоть видит око,
Слюной исходит хищный рот...
А Кремль вздымается высоко
Твердыней башен и ворот.

Как жадно немец ни глязееет —
Стоит Москва горда, стройна.
Не отыскать нигде лазеек:
Кругом — железная стена.
И как ни хмурься, ни досадуй,
Ни зарься на чужую клеть, —

Москвы ни штурмом, ни осадой
Тебе вовек не одолеть.

Спокойны каменные стены,
Троллейбус катится шурша.
И вдруг — протяжный вой сирены,
И гневом полнится душа.
Когда в зенит летят снаряды
И рыщут щупальцы лучей,
Острой от ненависти взгляды,
И крепнет воля москвичей.

Повсюду твёрдый слышен голос:
— Москвы врагу не отдадим!
От воли общей ни на волос
Не отрешится ни один.
Нам не страшны стальные танки:
Мы припасли для них заряд.
Кострами вспыхнут их останки —
И путь на запад озарят.

Виденья старины предстали
Над героической Москвой.
Вот Пушкин мой на пьедестале
Стоит, как верный часовой.
Звучит поэта голос гневный,
И ясно слышат москвичи:
Часы на Спасской башне древней
Уже победу бьют в ночи.

ЛЕНИНГРАД В ДНИ ВОЙНЫ

Всё тот же мраморный покой камней дворцовых,
Всё та же хмурая, окутанная мглою,
Нева, одетая в гранит;
Она порой вскипает пеной гневной,
И ритм её тяжёлых струй свинцовых
Не уместить поэту в стих напевный;

И небо серое, пронзённое в зенит
Адмиралтейской гордою иглою;
За нею ввысь мой взгляд стремится —
Туда, где ветер семибалльный
В атаку на коне проносится со свистом
И гонит тучи, будто войско вражье,
Бегущее в смятении повальном;

Они пытаются с разбегу уцепиться
За гребни крыш комками рваной пряжи,
Но рассыпаются и тают в небе мгlistом,
Как струи дыма...
И низок свод, и даль неощутима.

Всё тот же Ленинград, величественный, грозный;
Мосты чугунные над взбухшими волнами,
Быки тяжёлые, гранитные устои,
И по торцу—железный гул колёсный,
И эхо города, басовое, густое,
Гудит, как колокол, над нами.

Как будто кузнецы огромный мех раздули
И сотни молотов стучат по наковальням,
Вдали рождается моторов мерный рокот,
Всё близится, сливаясь в грозном гуле,
И где-то в пригороде дальнем
Вступает в хор орудий смутный грохот,
То нарастая, то спадая,
Как на море волна седая.

Массивные дома—и что ни дом, то крепость,
Готовая к упорной обороне;
Дух Октября в крови у ленинградца,
И мужество вошло уже в привычку,—
В его делах вернулся к жизни эпос.

Прожектор ли блеснёт на небосклоне,
Зенитки ли затеют перекличку —
И сразу гневом взгляды загорятся,
И ненависть к врагу обуревает граждан,
И пыл борьбы овладевает каждым.

Вечерний мрак окутывает кровли,
Сквозь облака дозором смотрят звёзды,
И ночь становится на страже обороны.

Ни огонька, ни ютблеска в безмолвьи
Насторожённых стен. В застывший воздух
Взвиваются хвостатые баллоны,
На крыши выползают «звездочёты»,
Дозорные становятся к стропилам
Стеречь во мраке звёздные высоты.
И не застать врасплох отважной стражи
Ночным налётчикам, убийцам чернокрылым
С паучьей свастикой на фюзеляже...

И высится в ночи гранитная колонна,
И воля ленинградцев непреклонна.

СИМФОНИЯ ПОБЕДЫ

Я слышу, как звенит победы песня:
Вначале еле внятен шелест бледный, —
Порою так исток реки безвестный
В глуши таится, но взгляни: победно
Вскипают воды с неуёмной силой...
Сверкает звуков полновесных россыпь, —
В стальном спокойствии река застыла.
Звучит симфонии победной поступь,
Размерен ритм её, неопешно-плавный.
Ещё объаты полусном фанфары, —
Вдруг полыхнули молнией литавры,
Запрохотали прозные удары, —
В бору так разрастается пожар, —
Прибоем бурным инструменты плещут:
Рокочат трубы, грянул гром фанфар,
Оркестр весь пробудился, весь трепещет,
И всё мощней звучат альты, фаготы,
Кларнеты, флейты, нежные волторны...
Тел металлических биенья, взлёты,
Гул барабанный, дробный и упорный.
Не боя ль то последнего раскаты?
Когда ж разгромлен будет враг проклятый,
Всё человечество, вздохнув от гнёта,
Вновь станет мыслить, жить и петь свободно!
Как дуновенье, нежен скрипок звук,
Поёт виолончели голос томный...
В боях, среди невыразимых мук,
Куётся звонко счастье всей планеты.
Ликует сердце, дали так огромны!
Пусть воспоют наш бурный век поэты!
Звук резкий, острый, словно гильотина,
Нас предостерегает, чтоб нога
Не оступилась, не задела мины,
Поставленной тайком рукой врага.
Свободны мы! То не обман, не грёза,
Навек разбиты рабства злого звенья,
Сливайтесь, звуки все, в апофеозе,
О счастье пойте новым поколеньям.

№. 53 г.

56

1 р. 25 к.

22

22